

Говард Филлипс Лавкрафт Неименуемое

Запретная книга – русский фэн-сайт Г.Ф. Лавкрафта

Содержание

Неименуемое

4

Говард Филлипс Лавкрафт

Неименуемое

Как-то осенней порою, под вечер, мы сидели на запущенной гробнице семнадцатого века посреди старого кладбища в Аркхэме и рассуждали о неименуемом. Устремив взор на исполинскую иву, в ствол которой почти целиком выросла старинная могильная плита без надписи, я принялся фантазировать по поводу той, должно быть, нездешней и, вообще, страшно сказать какой пищи, которую извлекают эти гигантские корни из почтенной кладбищенской земли. Приятель мой ворчливо заметил, что все это сущий вздор, так как здесь уже более ста лет никого не хоронят, и, стало быть, в почве не может быть ничего такого особенного, чем бы могло питаться это дерево, кроме самых обычных веществ. И вообще, добавил он, вся эта моя непрерывная болтовня о неименуемом и разном там страшно сказать каком все это пустой детский лепет, вполне гармонирующий с моими ничтожными успехами на литературном поприще. По его мнению, у меня была нездоровая склонность заканчивать свои рассказы описани-

ем всяческих кошмарных видений и звуков, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они даже не могут поведать о случившемся другим. Всем, что мы знаем, заявил он, мы обязаны своим пяти органам чувств, а также религиозным откровениям; следовательно, не может быть и речи о таких предметах или явлениях, которые бы не поддавались либо строгому описанию, основанному на достоверных фактах, либо истолкованию в духе канонических богословских доктрин в качестве последних же предпочтительны догматы конгрегационалистов¹ со всеми их модификациями, привнесенными временем и сэром Артуром Конан-Дойлем.²

С Джоэлом Мэнтоном (так звали моего приятеля) мы частенько вели долгие и видные споры. Он был директором Восточной средней школы, а родился и воспитывался в Бостоне, где и приобрел то характерное для жителя Новой Англи самодовольство, которое отличается глухотой ко всем изысканным обертонам жизни. Он придерживался мнения, что если что-нибудь имеет реальную эстетическую ценность, так это наш обычный, повседневный опыт, и что, следовательно,

¹ Конгрегационалисты (от лат. congregatio – община) – приверженцы одной из религиозно-политических партий в период Английской буржуазной революции, сторонники более радикального пуританизма.

² Последние годы своей жизни создатель Шерлока Холмса посвятил спиритизму, написав на эту тему несколько объемных трудов и статей.

художник призван не возбуждать в нас сильные эмоции посредством увлекательного сюжета и изображения глубоких переживаний и страстей, но поддерживать в читателе размеренный интерес и воспитывать вкус к точным, детальным отчетам о будничных событиях. Особенно же претила ему моя излишняя сосредоточенность на мистическом и необъяснимом; ибо, несравнимо глубже веруя в сверхъестественное, нежели я, он терпеть не мог, когда потустороннее низводило до уровня обыденности, делая его предметом литературных упражнений. Его логичному, практичному и трезвому уму никак было не постичь, что именно в уходе от житейской рутины и в произвольном манипулировании образами и представлениями, как правило, подгоняемыми нашими ленью и привычкой под избитые схемы действительной жизни, можно черпать величайшее наслаждение. Все предметы и ощущения имели для него раз и навсегда заданные пропорции, свойства, основания и следствия; и хотя он смутно осознавал, что мысль человеческая временами может сталкиваться с явлениями и ощущениями отнюдь негеометрического характера, абсолютно не укладывающимися в рамки наших представлений и опыта, он все же считал себя арбитром, полномочным проводить условную черту и удалять из зала суда все, что не может быть познано и испытано среднестатистическим гражданином. Наконец он был почти уверен в том, что не

может быть ничего по-настоящему неизменного. Само слово это ни о чем ему не говорило.

Пытаясь переубедить этого самодовольно коптящего небо ортодокса, я прекрасно сознавал всю тщетность лирических и метафизических аргументов, но было в обстановке нашего послеобеденного диспута нечто такое, что побуждало меня выйти за рамки обычной дискуссии. Полуразрушенные плиты патриархальные деревья, остроконечные крыши старинного городка прибежища ведьм и колдунов, обступившие кладбище со всех сторон все это вкуче подвигло меня встать на защиту своего творчества, и вскоре я уже разил врага его собственным оружием. Перейти в контратаку, впрочем, не составило особого труда, поскольку я знал, что Джоэл Мэнтон весьма чувствителен ко всякого рода бабушкиным сказкам и суевериям, которые не принял бы в наши дни всерьез ни один мало-мальски образованный человек. Я говорю о таких поверьях, как, например, то, что после смерти человек может объявляться в самых отдаленных местах или что на окнах навеки запечатлеваются предсмертные образы людей, глядевших в них всю жизнь. Серьезно относиться к тому, о чем шушукуются деревенские старушонки, заявил я прежде всего, ничуть не лучше, чем верить в посмертное существование неких бестелесных субстанций отдельно от их материальных двойников, а также в явления, не укладывающиеся в рамки

обычных представлений. Ибо если верно, что мертвец способен передавать свой видимый или осязаемый образ в пространстве (на расстояние в пол-земного шара) и во времени (через века), то как же можно называть нелепыми предположения, что заброшенные дома населены диковинными существами, обладающими органами чувств, или что старые кладбища накапливают в себе разум поколений, чудовищный и бесплотный? И если все те свойства, что мы приписываем душе, не подчиняются никаким физическим законам, то так ли уж невозможно вообразить, что после физической смерти человека продолжает жить некая чисто духовная сущность, принимающая такую форму или скорее бесформенность, которая необходимо должна представляться: наблюдателю чем-то абсолютно и даже именно неизменным? И вообще, когда размышляешь о подобных вещах, то лучше всего оставить в покое так называемый здравый смысл, который в данном случае означает не что иное, как элементарное отсутствие воображения и гибкости ума. Последнее я высказал Мэнтону тоном дружеской рекомендации.

День клонился к закату, но нам даже не приходило в голову закругляться с беседой. Мэнтон, похоже, ничуть не тронули мои доводы, и он продолжал оспаривать их с той убежденностью в своей правоте, каковая, вероятно, и принесла ему успех на педагогической ниве. Я же имел в запасе достаточно веские аргументы,

Чтобы не опасаться поражения. Стемнело, в отдельных окнах замерцали огоньки, но мы не собирались покидать свое удобное место на гробнице. Моего прозаического друга, по-видимому, немало не беспокоила ни глубокая трещина, зияющая в поросшей мхом кирпичной кладке прямо за нашей спиной, ни царивший вокруг кромешный мрак, вызванный тем, что между надгробием, на котором мы расположились, и ближайшей освещенной улицей возвышалось полуразрушенное нежилое здание, выстроенное еще в семнадцатом веке. Здесь, в этой непроглядной тьме, на полуразвалившейся гробнице вблизи заброшенного дома мы вели нескончаемую беседу о неименуемом, и когда Мэнтон наконец устал изрекать колкости, я поведал ему об одном ужасном случае, действительно имевшем место и легшем в основу того из моих рассказов, над которым он более всего смеялся.

Рассказ этот назывался Чердачное окно. Он был опубликован в январском выпуске Уисперс за 1922 год. Во многих городах страны, в особенности на Юге и на тихоокеанском побережье, журналы с этим рассказом даже убирали с прилавков, удовлетворяя жалобам слабонервных идиотов. Одна лишь Новая Англия выказала изрядную долю невозмутимости и только пожимала плечами в ответ на мою эксцентричность. Прежде всего, утверждали мои критики, пресловутое существо просто биологически невозможно, и то, что я

о нем сообщаю, представляет собой всего лишь одну из версий расхожей деревенской байки, которую Коттон Мэзер³ лишь по чрезмерной доверчивости вставил в свое сумбурное Христианское величие Америки, причем подлинность этой небылицы настолько сомнительна, что сей почтенный автор даже не рискнул назвать место, где произошел ужасный случай. И уж во все невыносимым было то, как я развил и усложнил голую канву древнего мистического сюжета, тем самым окончательно разоблачив себя как легкомысленного и претенциозного графомана. Мэзер и правда писал о появлении на свет некоего существа, но кто, кроме дешевого сенсуалиста, мог бы поверить, что оно сумело вырасти и, во плоти и во крови, принялось по ночам заглядывать в окна домов, а днем прятаться на чердаке заброшенного дома, и так до тех пор, пока столетие спустя какой-то прохожий не увидел его в чердачном окне, а потом так и не смог объяснить, отчего у него поседели волосы? Все это походило на вздор, притом несносный, и приятель мой не замедлил согласиться с последним утверждением. Тогда я поведал ему о содержании дневника, обнаруженного среди прочих бу-

³ Коттон Мэзер (1663–1728), воинствующий пуританский богослов из Массачусетса, проповедник религиозной нетерпимости. Автор трудов «Достопамятное провидение, касательно ведовства и одержимости», «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» и др., в которых доказывалась реальность ведовства.

маг семейного архива менее, чем в миле от того места, где мы находились, и датированного 1706–1723 гг. В дневнике упоминалось о необычных шрамах на спине и груди одного из моих предков, и я заверил Мэнтона в подлинности этого свидетельства. Я также рассказал ему о страшных историях, имеющих хождение среди местного населения и передающихся по секрету из поколения в поколение, а также о том, что отнюдь не в переносном смысле сошел с ума один паренек, осмелившийся в 1793 году войти в покинутый дом, чтобы взглянуть на некие следы, которые, как предполагалось, должны были там наличествовать. Да, то было время диких суеверий какой впечатлительный человек не содрогнется, изучая массачусетские летописи пуританской эпохи? Сколь бы ничтожными ни были наши познания в том, что скрывалось за внешней стороной событий, но уже по тем отдельным чудовищным проявлениям, когда гной вырывался и бил ключом, можно судить о всей степени разложения. Ужас перед черной магией вот луч света, указующий на тот кошмар, что царил в смятенных умах человеческих, но даже и это пустяк. Из жизни изгонялись красота, изгонялась свобода мы можем об этом судить по бытовым и архитектурным останкам эпохи, а также по ядовитым проповедям невежественных богословов. Под смирительной рубашкой из ржавого железа таилась дурная злоба, извращенный порок и сатанинская одержимость. Вот в

чем был подлинный апофеоз неименуемого!

Ни единого слова не смягчил Коттон Мэзер, когда разразился анафемой в той демонической 6-ой книге, которую не рекомендуется читать после наступления темноты. Сурово, словно библейский пророк, в немногословной и бесстрастной манере, в какой не умел выражаться никто после него, он поведал о твари, породившей на свет нечто среднее между собою и человеком, нечто, обладающее дурным глазом, и о безымянном пьяном бедолаге, повешенном, несмотря на все его протесты и вопли, за одно то, что у него был такой глаз. На этом откровенность Мэзера кончается, и он не делает ни малейшего намека на то, что произошло потом. Возможно, он просто не знал, а, может быть, и знал, да не осмелился сказать. Потому что все те, кто знал, предпочитали молчать, и до сих пор не известно, что заставляло их приглушать голос до шепота при упоминании о замке на двери, скрывавшей за собой чердачную лестницу в доме бездетного, убогого и угрюмого старца, установившего на могиле, которую все обходили стороной, плиту без надписи. При этом всякий может ознакомиться с достаточным количеством уклончивых слухов, от которых стынет самая пылкая кровь.

Все эти сведения я почерпнул из найденной мною семейной хроники; там же содержится множество скрытых намеков и не предназначенных для посторон-

них ушей историй о существах с дурным глазом, появлявшихся по ночам то в окнах, то на безлюдных лесных опушках. Возможно, что именно одна из таких тварей напала на моего предка ночью на проселочной дороге, оставив следы рогов на его груди и следы когтей, сходных с обезьяньими, на спине. На самой же дороге были обнаружены четко отпечатавшиеся в пыли перемежающиеся отпечатки копыт и чего-то, отдаленно напоминающего лапы человекообразной обезьяны. Один почтальон рассказывал, что, проезжая верхом по делам службы, он видел вышеупомянутого старика, преследовавшего и окликавшего какое-то гадкое существо, вприпрыжку уносившееся прочь. Дело происходило на Медоу-Хилл незадолго до рассвета при тусклом сиянии луны. Интересно, что многие поверили почтальону. Доподлинно известно также то, что в 1710 году, в ночь после похорон убогого и бездетного старца (тело которого положили в склеп позади его дома, рядом со странной плитой без надписи) на кладбище раздавались какие-то голоса. Дверь на чердак отпирать не стали, и дом был оставлен таким, каким был мрачным и заброшенным. Когда из него доносились звуки, все вздрагивали и перешептывались, ободряя себя надеждой на прочность замка на чердачной двери. Надежде этой пришел конец после кошмара, случившегося в доме приходского священника, жильцов которого обнаружили не просто бездыханными, но разодранны-

ми на части. С годами легенды все более приобретали характер рассказов о привидениях; причину этого я усматриваю в том, что если отвратительное существо действительно когда-то жило, то потом оно, вероятно, скончалось. Сохранилась лишь память о нем тем более ужасная оттого, что она держалась в секрете.

За время моего рассказа Мэнтон потерял свою обычную словоохотливость, и я понял, что слова мои произвели на него глубокое впечатление. Когда я замолчал, он не рассмеялся, как обычно, но вполне серьезным тоном осведомился у меня о том пареньке, что сошел с ума в 1793 году и явился прототипом главного героя моего рассказа. Я объяснил ему, зачем тому мальчику потребовалось посетить мрачный, заброшенный дом, который все обходили стороной. Случай этот не мог не заинтересовать моего приятеля, поскольку он верил в то, что на окнах запечатлеваются лица людей, сидевших подле них. Наслушавшись рассказов о существах, появлявшихся в окнах пресловутого чердака, паренек решил сам взглянуть на них и прибежал обратно, заходясь в истошном крике.

Пока я говорил, Мэнтон был погружен в глубокую задумчивость, но как только я закончил, он сразу вернулся в свое обычное скептическое расположение духа. Допустив, хотя бы в качестве предпосылки для дальнейшей дискуссии, что какой-то противоестественный монстр существовал на самом деле, Мэнтон, однако,

считал своим долгом напомнить мне, что даже к самому патологическому извращению природы вовсе не обязательно относиться, как к неименованному или, скажем, не описуемому средствами современной науки. Признав, что я отдаю должное его здравомыслию и несгибаемости, я привел еще несколько свидетельств, добытых мною у очень пожилых людей. В этих позднейших историях с привидениями, пояснил я, речь шла о фантомах столь ужасных и отвратительных, что никак нельзя предположить, чтобы они имели органическое происхождение. Это были кошмарные призраки гигантских размеров и самых чудовищных очертаний, в одних случаях видимые, в других только осязаемые; в безлунные ночи они как бы плыли по воздуху, появляясь то в старом доме, то возле склепа позадин его, то на могиле, где рядом с безымянной плитой пустило корни молодое деревцо. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как то утверждала голословная молва, или нет, я не знаю, но во всяком случае, призраки эти оставляли по себе сильное и неизгладимое впечатление. Неспроста старейшие из местных жителей испытывали к ним суеверный страх еще каких-нибудь только два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти перестали вспоминать, что, кстати, и могло послужить причиной их преждевременной кончины. Наконец, если взглянуть на проблему с эстетической стороны и вспомнить, какие гротескные, искажен-

ные формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то нельзя не согласиться, что вряд ли удастся добиться связного и членораздельного описания и выражения в случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной парообразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кощунство по отношению к природе. Эта чудовищная химера, порожденная мертвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека не представляет ли она нам во всей неприглядной наготе все подлинно, все откровенно неизменяемое?

Должно быть, час уже был очень поздний. Летучая мышь на удивление бесшумно пролетела мимо; она задела меня крылом, да и Мэнтон, вероятно, тоже в темноте я не видал его, но мне показалось, что он взмахнул рукой.

— А дом? — заговорил он спустя некоторое время. — Дом с чердачным окном он сохранился? И там по-прежнему никто не живет?

— Да, я видел его собственными глазами.

— Ну и как? Там что-нибудь было? Я имею в виду, на чердаке или где-нибудь еще...

— Там, в углу на чердаке, лежали кости. Не исключено, что именно их и увидал тот паренек. Слабонервному, чтобы свихнуться, и того достаточно, ибо если все эти кости принадлежали одному и тому же существу,

то это было такое кошмарное чудовище, какое может привидеться только в бреду. С моей стороны было бы кощунством не избавить мир от этих костей, поэтому я сходил за мешком и оттащил их к могиле за домом. Там была щель, в которую я их и свалил. Только не сочти меня за идиота! Видел бы тот череп! У него были рога сантиметров по десять в длину, а лицевые и челюстные кости примерно такие же, как у нас с тобой.

Вот когда я почувствовал, что Мэнтон, который почти прижался ко мне, пробрала настоящая дрожь! Но любопытство его оказалось сильнее страха.

– А окна?

– Окна? Они все были без стекол. У одного окна даже выпала рама, а в остальных не осталось ни кусочка стекла. Представь себе такие небольшие ромбовидные окна с решетками, что вышли из моды еще до 1700 года. Думаю, что стекла в них отсутствовали уже лет сто, не меньше. Кто знает, может быть, их выбил тот паренек? Предание молчит на этот счет.

Мэнтон снова затих. Он размышлял.

– Знаешь, Картер, заговорил он, наконец, мне бы хотелось взглянуть на этот дом. Ты мне его покажешь? Черт с ними, со стеклами, меня интересует сам дом. И та могила, куда ты кинул кости. И другая могила, без надписи. Ты прав, во всем этом есть что-то жуткое.

– Ты уже видел этот дом, Мэнтон. Он стоял у тебя перед глазами весь сегодняшний вечер.

Некоторый налет театральности, с которым я произнес последнюю фразу, подействовал на моего приятеля куда сильнее, чем я мог ожидать: судорожно отпрянув от меня, он издал оглушительный вопль, сопровождаемый таким призывом, словно он освобождался от удушья, ибо вопль этот вместил в себя все накопившееся и сдерживаемое дотолле напряжение. Да, надо было слышать этот крик! Но самое ужасное заключалось в том, что на него последовал ответ! Не успело стихнуть эхо, как из крошечной тьмы донесся скрип, и я догадался, что открылось одно из решетчатых окон в этом проклятом старом доме неподалеку от нас. Более того, поскольку все рамы, кроме одной, давным-давно выпали, я понял, что скрип этот издает жуткая пустая рама пресловутого чердачного окна.

Потом все с той же заклятой стороны дохнуло затхлым воздухом могилы, и сразу вслед за тем, совсем уже близко от меня, раздался пронзительный крик; он исходил из той жуткой гробницы, где покоились зверь и человек. В следующее мгновение удар чудовищной силы, нанесенный мне невидимым объектом громадных размеров и неизвестных свойств, свалил меня с моего скорбного ложа, и я растянулся на плененной корнями почве зловещего погоста, в то время как из могилы вырвалась такая адская какофония шумов и сдавленных хрипов, что фантазия моя мгновенно населила окружающий беспросветный мрак мильтоновскими

легионами безобразных демонов. Поднялся вихрь иссушающе-ледяного ветра, раздался грохот обваливающихся кирпичей и штукатурки, но прежде чем понять, что произошло, я милостью Божией лишился чувств.

Не обладая моим крепким телосложением, Мэнтон, как это часто бывает, оказался более живучим, и хотя он пострадал сильнее моего, мы очнулись почти одновременно. Наши койки стояли бок о бок, и через несколько секунд нам стало ясно, что мы находимся в больнице Св. Марии. Персонал сгорал от любопытства; нас обступили со всех сторон и, чтобы освежить нашу память, поведали нам о том, как мы попали сюда. Оказалось, что какой-то фермер обнаружил нас в полдень на пустыре за Медоу-Хилл, примерно в миле от старого кладбища, в том самом месте, где некогда, по слухам, находилась бойня. У Мэнтона было два серьезных ранения груди и несколько мелких резаных и колотых ран на спине. Я отделался более легкими повреждениями, зато все тело мое было покрыто ссадинами и синяками самого удивительного свойства; один из кровоподтеков, например, напоминал след копыта.

Мэнтон явно знал больше, чем я, однако он ничего не сказал озадаченным и заинтригованным врачам до тех пор, пока не выведал у них все, что касалось характера наших ран. Только после этого он сообщил, что мы стали жертвами разъяренного быка выдумка, на мой взгляд, довольно неудачная, ибо откуда было

взяться в таком месте быку?

Как только врачи и сиделки удалились, я повернулся к приятелю и шепотом, исполненным благоговейного страха, спросил: – Но, Боже правый, Мэнтон, что это было на самом деле? Судя по характеру ран, это было оно. Ведь так?

И хотя я почти догадывался, каким будет ответ, он ошеломил меня настолько, что я даже не ощутил чувства торжества от одержанной победы. – Нет, это было нечто совсем другое, прошептал Мэнтон. Оно было повсюду... какое-то желе... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания. Там были глаза и в них порча! Это была какая-то бездна... пучина... воплощение вселенского ужаса! Картер, это было неименуемое!